

УДК 316.4

DOI 10.23683/2227-8656.2017.4.5

**ДЕСТРУКТИВНЫЕ
ПОСЛЕДСТВИЯ
ПОЛИТИЗАЦИИ
ЭТНИЧНОСТИ В РОССИИ:
ЭНТРОПИЙНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ**

**DESTRUCTIVE
CONSEQUENCES
OF THE POLITICIZATION OF
THE ETHNICITY IN RUSSIA:
THE ENTROPIC DIMENSION**

Скворцов Николай Генрихович

Доктор социологических наук, профессор,
декан факультета социологии
Санкт-Петербургского государственного
университета,
г. Санкт-Петербург,
e-mail: n.skvortsov@spbu.ru

Nikolay G. Skvortsov

Doctor of Sociological Sciences,
Professor, Dean of the
Faculty of Sociology,
St. Petersburg State University,
Saint Petersburg,
e-mail: n.skvortsov@spbu.ru

В статье предлагается энтропийный подход к исследованию усиления роли этнического фактора в жизни России после распада СССР. Анализ ситуации, сложившейся в 80–90-х гг. XX в., показал, что в распаде СССР важную роль сыграл этнический фактор. Впоследствии этничность, первоначально способствовавшая возникновению национально-культурных движений, превратилась в мощную политическую силу и стала инструментом борьбы за власть в руках политических элит. Результат этой борьбы, способствовавший распаду Советского Союза, надолго стал источником дезинтеграции и роста энтропийных процессов на постсоветском пространстве России.

Ключевые слова: этничность, национально-культурные движения, борьба политических элит, политизация этничности, социальная энтропия.

The article offers an entropic approach to the study of the strengthening of the ethnic factor role in Russia after the collapse of the USSR. The analysis of the situation in the 80-90s of the XX century, shows that the ethnic factor played an important role in the collapse of the USSR. Subsequently, the ethnicity, which initially contributed to the emergence of national cultural movements, turned into a powerful political force and became a political elites' tool of struggle for power. The result of this struggle, which contributed to the collapse of the Soviet Union, became a source of disintegration and growth of entropic processes in the post-Soviet space of Russia for a long time.

Keywords: ethnicity, nationalist-cultural movements, struggle of political elites, politicization of ethnicity, social entropy.

Введение

Этнизация социально-политических процессов в постсоветской России стала одной из важнейших причин социальной дезорганизации, дезинтеграции и дестабилизации общественных отношений и национально-государственной сферы в целом. Этот процесс «возвращения к этничности», пережитый многими странами и народами в XX в., можно изучать с позиций различных методологических альтернатив и исследовательских ракурсов. В данной статье осмысление процессов, связанных с резким усилением значения этнического фактора и превращением этничности в мощный ресурс политического влияния и источник социально-политического размежевания, связывается с социальной энтропией как выражением негативных процессов и тенденций, разворачивающихся в современной российской реальности.

Энтропийные процессы и причины их возникновения

Возникновение социальной энтропии связывается учеными с рядом факторов. Прежде всего, она возникает в условиях, когда ставятся реально недостижимые социальные результаты, а также при наличии конфликта интересов, возникающего в ситуации, когда существует предопределенность решения конфликтной ситуации с выгодой только для одной из конфликтующих сторон [1]. Социальная энтропия обнаруживает себя в наивысшей степени в обществах переходного типа, когда активно разрушаются прежние порядки и устои при резком переходе к еще малознакомым и полным неопределенности перспективам нового, отношение к которому у разных слоев и групп общества складывается различное. Различной является и степень готовности общества и его отдельных социальных групп к переменам.

При всем том, что в научном дискурсе доминирует точка зрения о социальной энтропии как негативном явлении, сопровождающемся разрушительными процессами для общества, снижающими потенциал социума, его способность к инновационной деятельности, к творчеству, к противодействию рискам, признаются ее объективность и закономерность в эволюционных процессах. А некоторые ученые с производством энтропии и вовсе связывают положительные явления, не отождествляя социальную энтропию с мерой беспорядка [2]. Действительно, энтропийные процессы, порожденные резкой сменой ситуации в общественно-политической системе, формируют пространство альтернатив, которые зачастую трактуются с позиций пространства рисков неопределенности. Противостояние этим рискам зависит от состо-

яния самого общества, его антиэнтропийного потенциала, т.е. способности к самоорганизации, творчеству, активности. Но поскольку социальной энтропией можно управлять со стороны общества, значимость приобретает анализ конкретных социальных и управленческих практик, решений и ситуаций, возникших в той или иной жизненно важной сфере функционирования социума.

Политизация этничности в России: исторические уроки 80–90-х гг. XX в. и их энтропийные последствия

Обратимся к тому периоду российской истории, который совпал по времени с рядом кардинальных изменений в экономической, политической, социальной и культурной жизни и ознаменовался ростом этнического самосознания и всплеском этнических чувств. Это период распада СССР, когда этничность оказалась вовлеченной в новую для себя сферу – сферу практической политики.

Этничность как мотивационная политическая сила и основа политического размежевания была предметом всестороннего анализа в западной политической социологии и антропологии в 70–80-е гг. прошлого столетия, что было обусловлено рецидивом этнической мобилизации не только в странах третьего мира, но и в ряде индустриально развитых государств [7]. В нашей стране приобретение этничностью политической окраски имело свои особые причины и специфические способы проявления.

«Политизировать этничность, – писал автор классической работы “Этнополитика” Дж. Ротшильд, – означает: 1) предоставить людям возможность осознать роль политики для сохранения их этнокультурных ценностей, и наоборот; 2) стимулировать их внимание к этой взаимосвязи; 3) мобилизовать их на формирование этнических групп, обладающих единым самосознанием; и 4) направить их поведение в сферу политической деятельности, опираясь на это осознание и групповое самосознание» [4, р. 6]. Фактически политизация этничности, о чем писал Дж. Ротшильд, означает превращение этничности в инструмент борьбы за власть. Этот процесс, как показывает исторический опыт, всегда происходит в контексте системного кризиса власти [5]. СССР, а затем и Россия не стали в этом смысле исключением.

Первый раскол внутри правящих номенклатур произошёл к концу 1987 г., когда стали очевидными провалы перестроечных программ в промышленности, сельском хозяйстве, социальной сфере, общий спад народного хозяйства в союзных республиках. До этого момента, в условиях относительной согласованности собственных экономических, политических и идеологических действий с деятельностью цен-

тра, национальные элиты в целях удержания и закрепления власти пытаются апеллировать одновременно ко всем слоям социальной структуры социалистической моделью легитимности. Эту модель, представляющую некий вариант дубчековского «социализма с человеческим лицом», столь симпатичного архитектору перестройки, на первых порах удается поддерживать, хотя индекс ее легитимности очень различается в разных этносоциальных группах.

Однако когда социалистическая модель всё больше и больше теряет свою привлекательность, когда начинаются серьёзные разногласия между центральными и региональными властями и последние демонстрируют явное желание освободиться из-под опеки первых, внутри самих национальных элит зреет раскол. До определенного момента различные кланы в правящих структурах не хотят в явной форме проявлять свои действительные цели и намерения. Накапливая силы для «последнего и решительного боя», группы руководящей номенклатуры ищут возможности опереться на массовые общественные движения, найти в них своих союзников. Но поскольку созданию массовой базы поддержки препятствует сложившаяся социальная (этносоциальная) стратификация, а социалистические лозунги солидарности утратили свою привлекательность, реальный успех в формировании партий и движений могли иметь только апелляции к этнической идентичности. С другой стороны, в республиках и национальных регионах для этого создались благоприятные условия и предпосылки.

Речь идет о том, что во второй половине 80-х гг. в республиках и автономиях Советского Союза стали возникать национально-культурные (этнокультурные) общественные движения. Они формировались на фоне ухудшающейся ситуации в экономике, экологии, социальной и культурной сферах. При анализе таких движений исследователи выделяют целую группу причин и предпосылок их появления – как объективного, так и субъективного характера: экономические (стагнация, низкий уровень жизни, засилие центральных ведомств); исторические (борьба за независимость и достоинство народа, восстановление правды о белых пятнах в истории народа, депортациях, репрессиях); правовые (требования пересмотра имеющихся договоров, разграничение компетенций центра и регионов); экологические (строительство и функционирование грязных и опасных производств, проблемы земли и ее недр как национальных территорий); этнокультурные (проблемы национальных языков, интерес к национальным традициям, религии и т.д.); демографические (миграции, падение доли ко-

ренной нации в общей численности населения республики или региона); и др.

Каково бы ни было соотношение этих причин и факторов в каждом конкретном случае, на первых порах своего становления все эти движения были направлены на защиту национального самосознания народа от деградации. Основой их деятельности первоначально являлась общность культурных интересов. Цели и задачи, провозглашаемые ими, связаны прежде всего с возрождением национальных культур, сохранением языков, восстановлением исторической справедливости, поддержанием ослабленных элементов этнической идентичности.

Утрата или истощение факторов поддержания этнической идентичности – реальный процесс, затронувший фактически все народы бывшего СССР. В первую очередь это коснулось культурных компонентов этничности. Особенно наглядно это проявилось в Белоруссии, Молдове, прибалтийских республиках, в ряде автономий Российской Федерации, у малочисленных народов Крайнего Севера и Дальнего Востока. Так, к середине 80-х гг. в Белоруссии оказались деформированными или разрушенными фактически все элементы этнизации белорусского народа. В городах фактически не оставалось белорусских школ, в сельской местности многие школы, формально считавшиеся национальными, были переведены на русский язык обучения (в 1988 г. в белорусских школах обучались только 14 % детей, для сравнения: в 1931 г. – 88 %). Белорусский язык оказался повсеместно вытесненным из общественной жизни, его употребление оказалось стигматизированным. В 1989 г. белорусским языком пользовались только 10 % белорусов, в том числе в городах только 1,5 % [6, с. 153–154]. (Аналогичные процессы наблюдались у многих малочисленных народов Севера, у карелов, вепсов и др.).

Восьмидесятые – начало 90-х гг. отмечены тревожными симптомами в демографической сфере российского общества. Тезис об исчезающей нации, послуживший мощным стимулом этнической консолидации и оказавший сильное влияние на массовое сознание и чувство этнического самосохранения, не был лишен оснований. В этих условиях в республиках и ряде автономий начали формироваться национальные движения. Вполне естественно, что лозунгами консолидации были призывы сохранить собственную культуру, язык, национальную самобытность народов, «вернуться к собственной этничности».

Как правило, эти движения первоначально выступали как движения интеллектуалов – научной, технической, творческой интеллигенции, студенчества – и по своим целям, задачам, составу участников

они являлись национально-культурными (этнокультурными). «Возврат к этничности» выглядел для них как некая цель, достижение которой сулило независимость, единство и согласие нации.

Однако очевидно, что национальные движения не могут развиваться изолированно от того, что происходит на политической арене, в первую очередь от разворачивающейся борьбы за власть между группировками национальных элит. Закономерно, что именно на деятельность этих движений была сделана ставка в политическом противостоянии: им на этом этапе отводится роль инициатора в деле «защиты нации» от притязаний центра, «давления Москвы», от социально-экономической и культурной угроз со стороны сопредельных государств или пришлых мигрантов.

У интеллигенции, столь длительное время отстраненной от участия в управлении, лишенной возможности реально воздействовать на ход событий и, естественно, не удовлетворенной уровнем своих полномочий в решении вопросов развития республик и регионов, появляется возможность стать направляющей силой массовых движений. Интеллектуальная и культурная элита как лидер и инициатор национальных движений не только достигает желаемого статуса, но и снабжается различными группами в руководящем партийном и государственном секторах определенными ресурсами и информацией.

С течением времени национальные движения начинают претерпевать серьезные изменения. Возглавляющая их интеллигенция, почувствовав себя влиятельной социально-политической силой, начинает претендовать на роль едва ли не единственного выразителя национальных интересов, носителя национальной идеи. С другой стороны, лидеры этих движений все в большей степени включаются в политическую борьбу, фактически примыкая к какой-либо из борющихся за власть группировок в эшелонах власти. Когда в 1989–1991 гг. борьба между кланами политической элиты в республиках становится явной и ожесточенной, в выигрыше, безусловно, оказываются те, кто вовремя сумел сориентироваться и сделать ставку на массовые национально-культурные движения. В результате возникает ситуация, взаимоприемлемая для обеих сторон – и для политиков, и для интеллектуалов, возглавляющих национально-культурные движения: первые, поддержав «возрожденческие» этнические лозунги, получают мощную опору в своей политической борьбе, вторые – реальную возможность в эту борьбу включиться и быть поддержанным в ней.

Таким образом, национально-культурные движения в этом процессе постепенно стали превращаться в политическую силу, а само

понятие «национальное» обретает новое значение: это уже не столько проблема полнокровного и свободного развития духовности, сколько вопрос государственности, власти, политического устройства и т.п.

Смычка национально-культурной идеи с борьбой политических элит за власть не только стала историческим уроком событий конца XX в., но и продолжает быть веянием времени. Этничность, национальные чувства, несмотря на всю тонкость этого феномена, оказываются очень действенным орудием в этой борьбе.

Заключение

Итак, немногим более четверти века прошло с тех пор, когда с политических карт исчезло огромное государство – Советский Союз. Это событие имело огромное значение не только для нашей страны, но и для всего мира в целом. До сих пор коллапс СССР по-разному – часто диаметрально противоположно – оценивается не только учеными, политиками, экспертами, но и простыми людьми, пережившими на себе все последствия краха «советской империи». Причин, приведших к распаду СССР, множество – как внутренних, так и внешних [3], но очевидно, что далеко не последнюю роль в этом сыграл целый комплекс обстоятельств, связанных с ролью этничности и влиянием этнического фактора на эти события в российской истории.

Можно со всей уверенностью предположить, что и в дальнейшем этнический фактор не потеряет своей силы в социальной жизни российских народов и, более того, будет определять расстановку сил на арене политической борьбы, выступая мощным фактором развития социально-политических отношений. Особенно это относится к тем многонациональным регионам, где межэтническая напряженность существует или в явной, или в латентной форме, на уровне определенных симптомов. Именно в этих регионах энтропийные процессы, порожденные конфликтом интересов на фоне усиления этнического фактора в жизни народов и его включенности в политическую борьбу, будут проявляться с особой силой. Это обстоятельство актуализирует поиск научных альтернатив исследования этнических процессов в России, одной из которых может стать теория социальной энтропии, с позиций которой социальная система в ее экономическом, политическом, культурном, природном, правовом, психологическом и пр. измерении является интегральной проекцией переживаемого обществом сложившегося социального порядка и своего места в социальном мире.

С этой точки зрения методы и стратегии преодоления энтропийных рисков в самых различных сферах общественной жизни должны носить комплексный характер, базироваться на понимании источников

и особенностей протекания энтропийных процессов. Следовательно, их изучение может стать способом более глубокого понимания общества и разворачивающихся в его пространстве проблем, противоречий и конфликтов.

Литература

1. Тетерина Е.В., Пискорская С.Ю. К вопросу о понятии социальной энтропии // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. 2011. Т. 2, № 7. С. 271–272.

2. Хайтун С.Д. Трактровка энтропии как меры беспорядка и ее воздействие на современную научную картину мира [Электронный ресурс]. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=709 (дата обращения: 22.01.2017).

3. Чешко С.В. Распад СССР: этнополитический анализ. 2-е изд. М.: ИЭА РАН, 2000.

4. Rothschild J. Ethnopolitics: A Conceptual Framework. N.Y.: Columbia University Press, 1981.

5. Обстоятельный анализ ситуации дал в свое время Э.Н. Ожиганов (см.: Ожиганов Э.Н. Системный кризис власти и межнациональные отношения в СССР // Межнациональные отношения в Российской Федерации: информационные материалы. М., 1991. С. 49–59.

6. Национальные процессы в СССР. М., 1991.

7. Барков Ф.А., Тхагапсоев Х.Г., Черноус В.В. Этносы в глобализирующемся мире / отв. ред. Ю.Г. Волков. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2009. 204 с.

References

1. Teterina E.V., Piskorskaya S.Yu. K voprosu o ponyatii sotsial'noy entropii // Aktual'nye problemy aviatsii i kosmonavtiki. 2011. T. 2, № 7. P. 271–272.

2. Khaytun S.D. Traktovka entropii kak mery besporyadka i ee vozdeystvie na sovremennuyu nauchnyu kartinu mira [Elektronnyy resurs]. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=709 (data obrashcheniya: 22.01.2017).

3. Cheshko S.V. Raspad USSR: etnopoliticheskiy analiz. 2-e izd. M.: IEA RAN, 2000.

4. Rothschild J. Ethnopolitics: A Conceptual Framework. N.Y.: Columbia University Press, 1981.

5. Obstoyatel'nyy analiz situatsii dal v svoe vremya E.N. Ozhiganov (sm.: Ozhiganov E.N. Sistemnyy krizis vlasti i mezhnatsional'nye otnosheniya v SSSR // Mezhnatsional'nye otnosheniya v Rossiyskoy Federatsii: informatsionnyye materialy. M., 1991. P. 49–59.

6. Natsional'nye protsessy v USSR. M., 1991.

7. Barkov F.A., Tkhapsoev Kh.G., Chernous V.V. Etnosy v globaliziruyushchemsya mire / отв. red. Yu.G. Volkov. Rostov n/D.: Izd-vo SKNTs VSh YuFU, 2009. 204 p.

Поступила в редакцию

25 мая 2017 г.